

УДК 930.1

А.М. ЕРЕМЕНКО

ВАРИАНТ НЕФИНАЛИСТИЧНОГО ИСТОРИЗМА

Еременко Александр Михайлович – профессор кафедры мировой философии и эстетики Восточноукраинского национального университета им. Владимира Даля, доктор философских наук

Показано, що основою сучасного історизму є лінійно-фіналістичне розуміння історії. Розглядається можливість розроблення нефіналістичного історизму на основі використання запровадженого автором поняття «подієтема».

Ключові слова: історизм, лінійність, фіналізм, подія, подієтема.

Показывается, что основанием современного историзма является линейно-финалистичное понимание истории. Рассматривается возможность разработки нефиналистичного историзма на основе использования введенного автором понятия «событема».

Ключевые слова: историзм, линейность, финализм, событие, событема.

The author shows that the modern historical method is based on the linear finalistic understanding of history. The possibility of the development of non-finalistic historical method on the basis of the concept «eventeme» is considered.

Keywords: historical method, linearity, finalism, event, eventeme.

© А.М. Еременко, 2012

Целью настоящей работы будет обоснование возможности выхода за пределы господствующего в новоевропейском сознании линейно-финалистичного историзма. Такой выход предполагает также отказ от определенных аспектов иудео-христианского осмысления истории, поскольку таковое осмысление оказывается явным или скрытым мировоззренческим основанием практически всех форм историзма Нового и Новейшего времени.

Здесь мы хотели бы уйти от обсуждения вопроса о соотношении понятий «историзм» и «историцизм» как нерелевантного для нашего дискурса. Во многих философских традициях эти термины не различаются. В других не существует общепринятого понимания термина «историцизм». С легкой руки К. Поппера распространилась трактовка историцизма как совокупности таких философско-исторических концепций, которые притязают на предвидение будущего на основе веры в возможность познания «исторической необходимости», «законов истории», «ритмов» или «тенденций» исторической эволюции [11, с. 9]. Под «историзмом» же обычно подразумевается принцип подхода к предмету исследования как изменяющемуся во времени, развивающемуся. Можно сказать, что историзм – это, в конечном счете, признание того, что данный объект является «историческим», и этого для наших целей вполне достаточно.

В философии истории XX века произошло настолько тесное сближение понятий «историзм» и «иудео-христианский историзм», что они стали почти тождественными. Положение о неисторичности античного мировоззрения приобрело характер трюизма. Соответствующие положения находим у таких выдающихся специалистов, как Р.Дж.Коллингвуд [7], К.Левит [9], А.Ф.Лосев [10], С.С.Аверинцев [1] и др. Лишь в работах отдельных исследователей, таких как Ф.Х.Кессиди [6], Ю.А.Шичалин [15], К.Дестопулос [19] высказываются обоснованные возражения против этой

точки зрения.

Нередко исследователи фокусируют внимание на различии и даже противоположности между мифологическим временем архаического мировоззрения (включая античное) и историческим временем иудаизма и христианства. Так, согласно концепции М. Элиаде, жизнедеятельность архаического человека концентрировалась вокруг воспроизведения архетипических прасобытий, совершенных *in illo tempore* («во время оно», в начале времен) мифическими существами: богами, героями, первопредками. Все обыденные действия архаического человека оказываются возможными и наделенными смыслом лишь в качестве более-менее точного воспроизведения архетипических событий, совершенных «во время оно». Подлинная реальность – это *gesta*, архетипические деяния богов или первопредков, а все повседневные (равно как и сакральные) действия человека обладают реальностью лишь вследствие причастности к архетипическим деяниям «во время оно». Мифологическое время никуда не движется, оно пребывает в «вечном настоящем», и само мирское время, постоянно возвращающееся к мифологическому истоку в акте ритуала, также перестает двигаться, ибо бесконечное повторение одного и того же как бы «упраздняет» необратимость: если события бесконечно повторяются, то они как бы «стоят на месте». Так архаический человек «уничтожал время» и «сопротивлялся истории» благодаря мифу [16; с. 44-46, с. 55-62, с. 91].

Глубочайший водораздел между «мифологическим» и «историческим» пониманием времени М. Элиаде видит в иудаизме: «... согласно верованиям Израиля времен мессианских пророков, исторические события можно было вынести потому, что, с одной стороны, их пожелал Яхве, а с другой стороны, они были необходимы для окончательного спасения избранного народа. ... Когда придет Мессия, мир будет спасен раз и навсегда и ис-

тория прекратит свое существование. ... История больше не предстает как цикл, повторяющийся до бесконечности, как это думали первобытные народы; непосредственно управляемая волей Яхве, история предстает как последовательность «отрицательных» или «положительных» богоявлений, каждое из которых имеет свою внутреннюю ценность» [16, с. 102-103].

Христианство, помещая приход Спасителя в конкретную историческую эпоху, еще более усиливает восприятие времени как необратимого, а событий как однократных; это восприятие усиливается также благодаря эсхатологизму христианства [17, с. 73].

Следствием победы христианства явилось то, что в европейской ментальности иудео-христианский историзм стал отождествляться с историзмом вообще. Ж. Коттье предлагает весьма сильную формулировку: «Сама идея истории составляет часть иудейско-христианского наследия» [8, с. 40]. Р.Арон – более осторожную, но, по сути, такую же: «В западной мысли смысл истории проистекает из христианства, которое из каждого существования делает одиночное приключение, где играют в спасение души и всего человечества, имеющего по призванию одну судьбу между грехопадением и искуплением» [3, с. 342]. Ср. также Ф. Фукуяму: «Первыми поистине Универсальными Историками западной традиции оказались христиане. ... Как ясно показывает христианский взгляд на историю, «конец истории» неявно следует из всех писаний всех Универсальных Историй» [14, с. 102-103].

Может показаться, что исторический материализм К. Маркса полностью выходит за рамки сотериологической парадигмы. Разумеется, это не так. Определенное сходство марксистского и христианского мессианизма довольно часто отмечалось исследователями и стало уже общим местом. То же самое можно сказать об эсхатологических мотивах в марксизме. Мы органичимся одной, но весьма яркой иллюстрацией, принадлежащей перу М.Элиаде: «Маркс заимствует и развивает один из самых великих эсхатологических мифов азиатско-средиземноморского региона, а именно: искупительную роль Иисуса Христа («избранник», «помазанник», «невинный», «посланец»; ср. в наши дни – пролетариат), чьи страдания были призваны изменить онтологический статус мира. В самом деле, бесклассовое общество Маркса и постепенное исчезновение исторических антагонизмов точно повторяют миф о Золотом Веке, который, согласно многим традиционным верованиям, знаменует начало и конец истории. Маркс обогатил этот древний миф всей мессианской идеологией иудео-христианства: с одной стороны, это роль проповедника, приписываемая пролетариату, и его избавительная миссия, с другой – последняя борьба Добра и Зла, в которой без труда узнается апокалиптический конфликт Христа с Антихристом, и окончательная победа добра». [17, с. 128].

Создается впечатление, что для большинства европейских мыслителей (находящихся, разумеется, вольно или невольно в русле иудео-христианской традиции) единственный и само собой разуме-

ющийся способ мыслить историю – это мыслить ее как необратимый поток событий, устремленный к какой-то цели, к какому-то финалу, более или менее сакрализованному и более или менее отрицающему сам этот поток. Так, С. С. Аверинцев видит неисторизм древнегреческой мысли в ее предпочтении идей круговорота, возвращения к исходной точке, обратимости времени. Историзм в древнегреческом мировоззрении оттесняется на периферию мышления вследствие выдвигания на первый план идей структуры, космической упорядоченности, симметричности, приоритета пространства над временем, настоящего над прошлым и будущим. Античному мировоззрению противостоит иудейское с его пониманием мира как «олама» – потока временного свершения, несущего в себе все вещи, Бога – как Господина неотменяемого мгновения, а, следовательно, Господина времени (в первую очередь – обетованного будущего), Господина истории. [1, с. 88-113].

Создается впечатление, что иное по сравнению с иудейской традицией понимание истории для автора невозможно: оно будет объявлено «неисторичным». Иудео-христианский образ истории как потока однократных событий, осуществляющих в необратимом времени некий смысл, а в своем завершении – трансисторический смысл, оказывается не одним из возможных образов истории, а самой сущностью истории.

Тот тип историзма, который мы предлагаем, можно назвать событием историзмом. Понятие «события» мы ввели в научный оборот и обосновали в ряде публикаций. Можно указать на то, что мы сконструировали неудачный термин, поскольку к русскому корню присоединили греческий суффикс. Но, в принципе, правила словообразования русского языка позволяют это делать. Мы охотно заменим наш термин более удачным, если кто-либо его сконструирует.

Событию можно определить как, своего рода, эйдос событий. Также событию есть возможность событий определенного типа. Она есть виртуальная ячейка для событий определенного класса. Например, если Алкивиада, Суллу, Цезаря лишают командования над войском, то все они используют свои способности и свое положение для того, чтобы, в конечном счете, добиться верховной власти. Можно сказать, что, если в событийном смысле это, несомненно, разные события, то в событиемном – одна событиема: «захват власти опальным полководцем».

Событиема имеет также следующий аспект, который можно объяснить, исходя из аристотелевских рассуждений о завтрашнем морском сражении. О нем нельзя сказать, что оно необходимо произойдет или необходимо не произойдет, но можно сказать, что «необходимо только то, что оно произойдет или не произойдет». [2, с. 102] (19а, 30-33). Так вот, событиема есть как бы само это «или» в структуре событий; она есть как бы протоякая дизъюнкция событий, распределяющая их исходы. В событиеме битвы скрыты все возможные варианты и исходы единичных битв. И так же точно – во всех прочих событиемах.

Можно проследить достаточно богатую традицию предвосхищений понятия событием в истории философии. Мы ограничимся лишь несколькими примерами.

Наряду со словом *Geschichte*, в немецком языке есть слово *Geschichtlichkeit*. Эволюция смысловых оттенков последнего обстоятельно прослежена в работах Л. Рентге-Финка [20] и Г. Бауэра [18]. Честь придания слову *Geschichtlichkeit* философского смысла принадлежит Г. Гегелю. В «Лекциях по истории философии» немецкий классик говорит о «свободной, прекрасной историчности» древнегреческого мировоззрения [4, с. 187]. В данном случае *Geschichtlichkeit* переведено как «историчность». Но если мы примем во внимание, что в немецком языке *Geschichte* означает не просто историю, а именно событийную историю, историю в аспекте онтологической событийности, то, думается, интерпретация *Geschichtlichkeit* как «событемности» или «событемности» окажется вполне уместной.

Некоторые предвосхищения теории событием можно найти в уайтхедовской философии события. Это, например, «вечный объект» как возможность, включающая в себя актуализацию различных событий [12, с. 220-221]. Также это «объективное бессмертие» событий, куда они переходят в процессе кажущегося исчезновения [13, с. 642].

Описание Ж. Делезом «нейтральной в отношении всех своих актуализаций во времени» битвы [5, с. 128] есть событиемное описание. И когда Делез говорит о рассмотрении битвы «с высоты вечной истины события, воплощающей себя в этой реализации» [5, с. 128-129], то это можно понимать как рассмотрение события с высоты событемности.

Предлагаемый нами событиемный взгляд на историю является реализацией некоторых нереализованных потенциалов античного историзма.

Мы обращаем внимание на многочисленные случаи параллелизма, повторяемости, структурного сходства событий, имевшие место в разные исторические периоды, эпохи, в различных странах, регионах, цивилизациях; сходства в психологическом облике, поведении, судьбе различных исторических деятелей. Игнорировать эти подобия невозможно, необходимо объяснить их. Нам представляется, что исторические подобия более органично вписываются в концепцию истории как вариативного повторения определенных архетипических структур, чем в концепцию истории как необратимого потока однократных событий, устремленного к предзаданному финалу. Казалось бы, что мировоззрение, видящее глубокий смысл за происходящими в необратимом времени событиями, не должно девальвировать событийность. Наоборот, оно должно всячески подчеркивать значимость событий, важность их как неких знаков осуществления божественного замысла, как этапов на пути – избранного народа ли, человечества ли – к трансисторическому спасению. На самом деле это не так, и исследователи иудео-христианского историзма справедливо отмечают возможность отрицания ценности истории, скрытую в данной

мыслительной парадигме.

Мистический историзм иудеохристианства эсхатологичен, для него суть истории, строго говоря, не в ней самой, а в ее отрицании – в ее неизбежном конце. Отсюда и вытекает возможность обесценивания реальной исторической событийности. Как пишет М. Элиаде: «На мессинском духовном уровне истории оказывается более упорное сопротивление, чем на традиционном уровне архетипов и повторений; если здесь от истории отказывались, игнорировали или отменяли ее путем периодического повторения сотворения и периодического возрождения времени, то в мессинском восприятии мира историю нужно терпеть потому, что она несет эсхатологическую функцию, но ее можно терпеть, лишь зная, что она в один прекрасный день прекратится. Таким образом, история отменяется не осознанием того, что жизнь длится в вечном настоящем (совпадающем со вневременным моментом явления архетипов), и не через посредство периодически повторяющегося ритуала (например, обрядов начала года и т.д.) – она отменяется в будущем» [16, с. 106-107].

С.С. Аверинцев также отмечает внутреннюю противоречивость библейского эсхатологизма. Анализируя раннехристианскую апокалиптическую литературу, он показывает, что апокалиптик «скорее ненавидит историю, чем любит ее», он «чувствует историю – как боль, которую нужно утолить, ... как вину, которую нужно искупить», поэтому «столь характерный для библейской традиции мистический историзм на пределе своей кульминации обращается против самого себя» [1, с. 99-100]. В свете вышесказанного совершенно справедливо звучит положение: «Мистический историзм эсхатологии – это такой историзм, которому легко перейти в отрицание историзма» [1, с. 98].

Мы утверждаем, что иудео-христианский историзм вовсе не является единственно возможным пониманием истории. Процесс событийствования может быть повторяющимся, замыкающимся, циклическим, оставаясь при этом историей. Суть истории, говорим мы, вовсе не в неповторимости событий, не в их направленности, не в их устремленности к цели, финалу, осуществлению некоего замысла. Суть истории в самом событийствовании, в чистом событийствовании, в событийствовании как эстетическом феномене. Всякое событие, производимое человеком, являющееся следствием значительных усилий с его стороны, достаточно выдающееся и достаточно неординарное создает историчность, даже если его замысел остается нереализованным, цель не достигнутой, последствия – ужасными и трагическими.

С нашей точки зрения история есть процесс заполнения сравнительно небольшого числа событием огромным множеством единичных событий.

Смыслорождающие функции линейного финализма иудео-христианской парадигмы оказались столь значительными, что не только сформировали западный историзм как целостное мировоззрение, но, по сути, сформировали в западной ментальности убеждение в том, что только линейно-финалистичное мировоззрение является подлинно ис-

торическим. Дополнительными, но чрезвычайно важными коннотациями иудео-христианского историзма оказались трансцендентализм и сотериологизм, внесшие в данное осмысление истории особо притягательные эмоционально-ценностные оттенки. Мы полагаем, что линейный финализм не является единственно возможным философским осмыслением истории. И мы возьмем на себя смелость утверждать, что предлагаемая нами теория событием открывает возможности выхода философского осмысления истории за пределы линейного финализма.

В рамках событийного подхода история приобретает черты своеобразной игры по определенным

правилам; причем это игра с открытым финалом, поскольку всякий относительно завершённый этап истории оказывается не концом игры как таковой, а концом кона, периода или тайма. В конечном счете, это парадоксальная игра не ради результата, а ради самого процесса.

Не исключено, что предложенное в данной работе понимание истории окажется именно тем постмодернистским историзмом, сама возможность которого зачастую ставится под сомнение или категорически отвергается, но без которого постмодернистское мировоззрение оказывается неполным, что, впрочем, нисколько не беспокоит «настоящих» постмодернистов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. – М.: Coda, 1997. – 342, [1] с.
2. Аристотель. Об истолковании / Аристотель // Соч.: в 4 т. Т. 2 / ред. З. Н. Микеладзе. – М.: Мысль, 1978. – С. 91-116. – (Филос. наследие).
3. Арон Р. Введение в философию истории / Р. Арон // Избранное: Введение в философию истории: пер. с фр. – М.: ПЕРСЭ; СПб.: Унив. кн., 2000. – С. 213-524. – (Книга света).
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии: кн. 1 / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2006. – 350 с. – (Слово о сущем).
5. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез; пер. с фр. Я. И. Свицкого. – М.: Академия, 1995. – 299 с.
6. Кессиди Ф. Х. Философия истории Фукидида и современность / Ф. Х. Кессиди // Вопросы философии. – 2005. - № 7. – С. 123-135.
7. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории / Коллингвуд Р. Дж. Идея истории; Автобиография: пер. / Р. Дж. Коллингвуд. – М.: Наука, 1980. – С. 5-320. – (Памятники исторической мысли).
8. Коттье Ж. Эти ценности создали Европу / Ж. Коттье // Европейский альманах: История. Традиции. Культура: М., 1991. – С. 38-43.
9. Левит К. О смысле истории / К. Левит // Философия истории: антология: учеб. пособие для студ. гуманитар. вузов / сост., ред. и вступ. ст. Ю. А. Кимелева. – М.: Аспект-пресс, 1995. – С. 262-273.
10. Лосев А. Ф. Античная философия истории / А. Ф. Лосев. – М.: Наука, 1977. – 207 с.
11. Поппер К. Р. Ниццета историзма: [пер. с англ.] / К. Р. Поппер. – М.: Прогресс: VІА, 1993. – 185 [1] с. – (Библиотека журнала «Путь»).
12. Уайтхед А. Н. Наука и современный мир / А. Н. Уайтхед // Избранные работы по философии: пер. с англ. / сост. И. Т. Касавин; общ. ред. и вступ. ст. М. А. Киссева. – М.: Прогресс, 1980. – С. 56-271.
13. Уайтхед А. Н. Приключения идей / А. Н. Уайтхед // Там же. – С. 389-702.
14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ: Ермак, 2004. – 588, [4] с.
15. Шичалин Ю. А. Античность – Европа – история / Ю. А. Шичалин. – М.: «Греко-латин. кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. – 208 с.
16. Элиаде М. Космос и история: избр. работы: пер. с фр. и англ. / М. Элиаде. – М.: Прогресс, 1987. – 311 с.
17. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде; пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Грабовского. – М.: изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
18. Bauer G. Geschichtlichkeit: Wege und Irrwege eines Begriffs / G. Bauer / - Berlin: De Gruyter, 1963 / - 207 s.
19. Destopoulos C. Philosophy of History in Ancient Greece. – Athens, 1991.
20. Renthe-Fink L. von. Geschichtlichkeit: ihr terminologischer und begrifflicher Ursprung bei Hegel, Haum, Dilthey und York / L. von Renthe-Fink. – Gottingen, Vendenhoeck und Ruprecht, 1964. – 153 s.